

Рыбья. Война

рыба превыше всего

Князь Карп
Рыбья. Война.

«Автор»

2026

Карп К.

Рыбия. Война. / К. Карп — «Автор», 2026

Эта история рассказывает о войне в Рыбии — стране, находящейся под порталом, который расположен на самом дне величайшего озера Земли, Байкала. В один «прекрасный» день командир спецназа Окунь возвращается в город Налимовск-2 и обнаруживает, что школа и его дом разрушены, а семья уже в мире ином... Окунь наступает на мину и теряет хвост. К счастью, конечность удастся спасти кибер-протезом, и суровый боец отправляется на передовую в Лососёво — мстить.

© Карп К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	25

Князь Карп Рыбия. Война.

Глава 1

21.10.2022

Окунь ехал в купе с товарищами: на полках сверху восседали Карп Кой и Налим. Первый спал, второй читал книгу. Окунь же смотрел новости Налимовска-2, куда они направлялись. Налимовск-2- небольшой секретный город на востоке Рыбии, где располагается один из многочисленных космодромов, рудник, лаборатория ученой рыбы Галеры и несколько десятков тысяч рыб.

Внезапно перед глазами окуня появилось страшное объявление, в котором гласилось о том, что около двух часов назад орки и фашисты начали штурм приграничного Лососево, а большое количество городов были обстреляны их ракетами орчонок-1 или Storm Shadow последние поставлялись из Евросоюза вооруженным силам Фашисто-Орчинска. Также сообщалось о том, что несколько ракет прилетели в Налимовск-2, одно из ракет уничтожила дом в частном секторе, на месте работают специалисты. Вторая ракета попала в начальную школу №1. О погибших не сообщалось.

Окунь тревожно вышел из ленты новостей и попытался позвонить своей жене Окунихе. Гудки... она не ответила.

Он отложил свой рыбийник и устался в подушку.

Резкий толчок. Кой с Налимом полетели с верхних полок. Послышалась недовольная ругань Карпа Кой. За дверью раздался голос проводника:

-Граждане, покиньте купе. Рельсы впереди уничтожены прилетом ракеты, до Налимовска-2 ехать пятьдесят километров. До туда можно доехать на автобусе №1301

Рыбы закопошились в пожитках. Вскоре Окунь, Кой и Налим стояли на перроне. В плавниках они держали чемоданы и пожитки, но особенно в глаза бросались черные кожаные чемоданчики с надписью «рыба превыше всего», и в которых явно лежали не очки.

Компания подплыла к остановке. Вскоре приехал автобус, и друзья поехали по шоссе. Когда Налим глянул в окно, он увидел, что от Налимовска-2 идет очень густой черный дым. Когда он спросил у друзей, кто знает, что там случилось, Окунь порекомендовал ему и Кой посмотреть ленту новостей.

Спустя сорок секунд содержимое чемоданчиков было извлечено. Кой держал в плавниках новый черный ПГБ- Пистолет Гольяна Бесшумный.

-Ребят, у всех такие? -спросил он, оторвавшись от подарка генерала Сома- министра обороны Рыбии.

Последовали положительные ответы. Затем воцарилось молчание.

-Там же твои дети учились? – спросил Налим.

-Учились. Раньше.-ответил Окунь, не понимая, что в лучшем случае им придется сменить школу.-Теперь будут учиться в Карпограде, если они еще живы...

-Простит- пробормотал Налим.

-Как есть. Проворчал Окунь.

Автобус проезжал мимо разрушенной школы. Рядом плавала толпа рыб. Уже стояли клетки с перловицами и мотылем- пожелание счастья умершим. Колосились лилии в горшках и водоросли.

Окунь все понял. Выживших не было.

Дальше автобус ехал через сгоревший частный сектор. На месте дома Окуня была воронка, на краю с которой плавали рыбы во главе с ученым Гольяном, который был экспертом в оружии, и том, что может взорваться, в том числе атомными электростанциями.

Друзья Окуня все поняли

Спецназовцы вышли из автобуса. Окунь, с трудом сдерживая тяжелые чувства, подошел ближе к краю воронки. Внезапно раздался оглушительный щелчок, а за ним — взрыв. Это была замаскированная противопехотная мина-ловушка. Окуня отбросило взрывной волной. Когда дым рассеялся, Кoi и Налим в ужасе подплыли к командиру: взрывом ему полностью оторвало хвост. Из раны сильно хлестала кровь.

— Налим, жгут! Срочно! — крикнул Кoi, доставая походную аптечку.

Ученый Гольян подплыл ближе, его глаза округлились:

— Скорее тащите его в бункер! Лаборатория Галеры под мифрилом, бетоном и арматурой совсем рядом, ракеты её не пробили. У ученой Галеры там новейшие биотехнологии, мы сможем его спасти!

Кoi и Налим подхватили раненого командира под плавники и на максимальной скорости потащили в сторону защищенного подземного комплекса. Окуня срочно положили на операционный стол. Галера и Гольян сработали оперативно: используя стволовые клетки и ускорители роста, они вырастили Окуню абсолютно новый, полностью живой биологический хвост — из настоящей кожи и с чешуёй.

Через пару дней Окунь в палате проснулся от отдаленного хлопка. Земля под бункером задрожала. В палату ворвались Кoi и Налим с пистолетами ПГБ наготове, а за ними плыл Гольян со своим планшетом.

— Окунь, ты как? Хвост работает? — тяжело дыша, спросил Налим. — Это не по нам прилетело! Наши нанесли ответный удар!

Гольян быстро вывел на экран карту Рыбии:

— Это ядерка по Северо-Орчанску на двадцать пять мегатонн прилетела! Полное уничтожение! Это им, во-первых, за наших мирных рыб. Во-вторых, за наглый удар по пятому кварталу Карпограда, где ранило семьдесят девять тысяч мирных рыб, хотя, к счастью, убито ноль. И в-третьих — за то, что эти твари пытались ударить по Осетровску тактической ядерной ракетой в двадцать килотонн!

Налим удивленно поднял плавник:

— погоди, но Осетровск же цел?

— Конечно цел! — фыркнул Гольян. — У этих орков и фашистов электроника одна тысяча девятьсот шестидесятых годов! Лампы да перфокарты. Они со своими древними системами промахнулись аж на сто семьдесят пять километров и жажнули посреди пустыни на мелководье! Но генерал Сом шутить не стал и сразу утвердил ответный удар.

Окунь молча сел на кушетку и пошевелил новым хвостом. Тот слушался идеально, чешуя блестела. Внутри командира спецназа закипела ледяная решимость. Он взял свой черный бесшумный ПГБ и дослал патрон в патронник.

— Электроника у них древняя, но делов они натворили, — глухо произнес Окунь, вставая на плавники. — Их главный тыловой город стерт. На фронте у них сейчас начнется паника из-за отсутствия связи. Наш отряд выдвигается на передовую в Лососево. Пора ставить точку, — твердо закончил Окунь.

В этот момент тяжелая мифриловая дверь палаты приоткрылась, и внутрь заплыл разведчик Вьон. Он спокойно отряхнул плавники, осмотрел собравшихся и удивленно спросил:

— Здорово, мужики! А чего вы все такие взбудораженные? Случилось чего?

Налим уставился на него, выронив из плавников обойму от ПГБ:

— Вьон, ты серьезно?! Да тут только что такой гидроудар прилетел, аж весь бункер подбросило! Наши по Северо-Орчанску на суше ядеркой жажнули на двадцать пять мегатонн!

Вьюн лишь равнодушно пожал плавниками:

— Да? А я на поверхности сидел, за периметром следил, вообще ничего не слышал.

Кои усмехнулся и хлопнул друга по плечу:

— Ну да, мы и забыли, что ты у нас глуховат от природы. На суше целая гора в щепки разлетелась, а наш Вьюн даже ухом не повел!

— Главное, что глаза у меня острые, — ухмыльнулся Вьюн, поправляя развед-снаряжение. — На фронт я с вами. Мой маскировочный костюм готов, пусковые установки врага сами себя не уничтожат.

Глава 2

... Самолет «подлещик— 4» с низким гудением поднялся в воздух и взял курс на Лососево.

Шум моторов в десантном отсеке немного выровнялся, когда «Подлещик— 4» набрал нужную высоту. До Лососево лететь оставалось ещё полтора часа, так что бойцы постарались устроиться поудобнее среди ящиков с боеприпасами.

Налим достал карту, разложил её на коленях и постучал плавником по синей отметке на границе: — Значит так, мужики. Самолёт доставит нас на секретный аэродром подскока. Там нас уже должен ждать водила от Рыбвагонстроя на трёхосном дизельном грузовике. На нём мы скрытно выдвигаемся к передовой.

Бьюн, который сидел напротив и тщательно протирал линзы своего развед— снаряжения, внезапно оживился: — Что? Какого строя? Вагонстроя? О, эти грузовики — звери! Нам их бронированный кузов как раз пригодится, если по дороге попадём под обстрел. Главное, чтобы подвеску по пути в Лососёво не растрясло.

Карп Кои молча кивнул, проверяя затвор своего автомата. Полтора часа в воздухе, а потом ещё неизвестно сколько по разбитым дорогам в кузове грузовика — эта миссия обещала быть долгой.

Разговор прервался, когда Налим резко замер и прильнул к правому иллюминатору. Его глаза округлились от ужаса.

— Мужики, смотрите туда! По правому борту! — крикнул он, указывая плавником в голубую воду.

Сквозь толщу воды, параллельно их Подлещику— 4, на огромной скорости неслась тяжёлая крылатая ракета Storm Fish. Её хищный стальной корпус с плавниками— стабилизаторами оставлял за собой длинный шлейф из пузырей. Она шла на низкой высоте, огибая рельеф дна.

— Назад! Поворачивай назад! — не своим голосом закричал Налим пилоту через переговорное устройство. — Какое к чёрту Лососёво! Она идёт в обход ПВО, её курс забирает левее... Storm Fish летит прямо на Карпоград!

Карп Кои побелел от чешуи до хвоста. В Карпограде у него осталась вся семья и заводы Рыбвагонстроя.

— Шторм Фиш летит на семистах пятидесяти километрах в час! Она быстрее нас! — крикнул Карп Кои, сверяясь с картой. — Наш подводный самолёт выдает только семьсот, мы не сможем догнать её с хвоста!

— Нам и не нужно её догонять, — Налим решительно ткнул плавником в карту. — Ракета летит по заложенной программе, огибая подводные холмы и делая крюк. А мы поплывем напрямую, наперерез. Пилот, жми на максимум! Если срежем этот угол, то встретим её над Шукинском!

В кабине пилотов взревели двигатели, и Подлещик— 4 пошёл на снижение, закладывая крутой вираж. Сквозь голубую воду внизу показались крыши подводных домов Шукинского.

— Она над Шукинском! Прямо под нами! — закричал Налим. — Идёт на бреющем полёте, почти цепляет водоросли на крышах!

Бьюн намертво закрепил пусковую установку у открытого бокового люка. Мощное встречное течение ворвалось в десантный отсек, сбивая с ног, но глуховатый разведчик даже не поморщился. Он зажмурил один глаз, ловя стремительную цель в перекрестие оптического прицела своего развед— снаряжения.

Из— за болтанки самолёта маркер прицела постоянно прыгал со стального корпуса Storm Fish на жилые дома Шукинского. Стрелять в такой момент было опасно — если промахнуться, бронебойный снаряд мог разнести мирную ракушку— дом внизу.

Вьюн поймал момент, когда Storm Fish вылетела на пустые песчаные поля сразу за окраиной Щукинска, и плавно нажал на спуск. С направляющих пусковой установки со свистом сошла «Щучка— 1». Зенитная ракета подводного ПВО, грозный аналог земного «Бука», мгновенно набрала скорость, оставляя за собой ровный и плотный след из мелких пузырей. Наводясь по лазерному лучу развед— снаряжения, она пошла наперерез вражеской цели.

Storm Fish попыталась заложить противоракетный манёвр у самого дна, но автоматика «Щучки— 1» сработала идеально. Ракеты столкнулись прямо над песчаным пустырем.

Вспышка боевой части мощностью ноль целых пять десятитысячных килотонны на мгновение осветила толщу воды резким белым светом. Полтонны тротила сдетонировали мгновенно, разрывая вражескую ракету на куски. Под водой во все стороны рванула мощная гидроакустическая ударная волна, подняв с песчаного дна огромные тучи ила. Подлещик— 4 ошутимо трянуло, но пилот уверенно удержал штурвал.

Налим вытер плавником холодный пот со лба и устало откинулся на ящик с патронами.

— Ну и дела, мужики. Если бы не Вьюн и его «Щучка— 1», Карпограду бы знатно досталось. Опять бы какой— нибудь квартал разнесло, как тогда пятый! Пришлось бы Рыбдомстрою новые дома отстраивать.

Карп Кой ничего не ответил, он лишь молча кивнул и убрал карту в подсумок. Радоваться было рано — впереди их ждало Лососёво, а там, на самой линии фронта, ситуация могла быть ещё хуже.

Вскоре гул моторов изменился, и самолет начал плавное снижение. За иллюминаторами снова потемнело: «Подлещик— 4» влетел в густые придонные водоросли на окраине Лососёво. Летчик мастерски посадил тяжёлую машину на замаскированную подводную полосу секретного аэродрома подскока. Как только массивный люк со свистом откинулся назад, в отсек ворвался густой запах солянки и речного ила. Прямо у полосы, укрытый маскировочной сетью, их уже ждал огромный трёхосный дизельный грузовик от Рыбвагонстроа. Его бронированный кузов был покрыт царапинами от осколков, а из выхлопной трубы шёл тяжёлый сизый дым. За рулем сидел хмурый усатый Сом в засаленном комбинезоне и нервно постучал по рулю, потирая прибивший отряд.

Как только массивный люк со свистом откинулся назад, в отсек ворвался густой запах солянки и речного ила. Прямо у полосы, укрытый маскировочной сетью, их уже ждал огромный трёхосный дизельный грузовик от Рыбвагонстроа. Его бронированный кузов был покрыт царапинами от осколков, а из выхлопной трубы шёл тяжёлый сизый дым. За рулем сидел хмурый усатый Сом в засаленном комбинезоне и нервно постучал по рулю, потирая прибивший отряд. — Быстрее, мужики, шевелите плавниками! — пробасил Сом из кабины, сплёвывая в воду окурки. — Тут ПВО противника постоянно воду сканирует, если засекут наш «Подлещик— 4», накроют весь аэродром подскока артиллерией! Налим, Карп Кой и глуховатый Вьюн со своим развед— снаряжением быстро запрыгнули в бронированный кузов. Металл грузовика глухо зазвенел, когда Сом с рёвом врубил передачу, и тяжёлая машина рванула с места, поднимая за собой тучи донного ила.

Они поехали по разбитой дороге в сторону окопов Лососёво. Трясло так, что ящики с патронами летали по всему кузову.

БДЫЩБУМ! — раздался оглушительный взрыв прямо перед капотом, и грузовик Рыбвагонстроа резко вильнул в сторону.

Донная мина разорвалась совсем близко. Тяжёлую машину сильно трянуло, осколки со свистом забарабанили по бронированному кузову, а туча поднятого со дна ила полностью закрыла лобовое стекло. Кабина Сомы на мгновение скрылась в этой мутной грязи.

— Засада! — закричал Налим, намертво вцепившись в борт кузова. — Диверсанты накрыли дорогу!

Грузовик тяжело занесло на песчаном повороте, но усатый водитель— Сом мёртвой хваткой вцепился в руль. Дизельный мотор взревел с новой силой, вытягивая многотонную машину из опасной воронки. Из мути впереди показались силуэты вражеских бойцов — это был передовой отряд противника, засевший в густых водорослях у обочины. Они уже наводили свои подводные автоматы прямо на лобовое стекло грузовика. Усатый Сом только ухмыльнулся в усы. Вообще— то в кармане его засаленного комбинезона обычно лежала мини— нейтронка — так, на самый крайний случай, если придётся разнести к чертям половину Лососево вместе с наступающей армией врага.

Но сейчас тратить такое мощное оружие было глупо. Здесь и гранаты— икринки хватит, чтобы успокоить обнаглевших диверсантов.

Сом одной рукой удерживал руль грузовика, а второй лихо вытащил из бардачка круглую, светящуюся изнутри гранату— икринку. Он зубами выдернул чеку и точным броском зашвырнул её прямо в густые водоросли, где залегли враги.

— Получите, диверсанты несчастные! — пробасил Сом.

Через секунду позади раздался хлесткий подводный хлопок, и граната— икринка сработала как надо. Осколки разлетелись во все стороны, намертво прижав нападавших к донному песку и полностью сорвав им засаду.

Не успел ил после взрыва осесть, как Окунь резко ударил по борту кузова.

— Всем стоять! Отставить движение! — скомандовал он громовым голосом. — Сом, тормози машину! Выйти из грузовика и осмотреть врагов! Мы должны выяснить, кто слил им маршрут нашего Подлещика— 4.

Грузовик Рыбвагонстроя со скрипом затормозил, подняв с донного песка новую тучу мути. Карп Кой и Налим первыми перемахнули через бронированный борт, держа автоматы наготове. Глуховатый Вьюн, заметив жесты командира, быстро перехватил своё развед— снаряжение и двинулся следом, внимательно сканируя густые водоросли.

Окунь шёл впереди, аккуратно раздвигая плавником стебли подводных растений. На песчаном дне у воронки от гранаты лежали оглушенные взрывом диверсанты. Из— под разорванной ткани показался вовсе не рыбий хвост, а тяжёлая, кованая сталь грубого доспеха.

— Командир, это не наши! Это орки! — удивлённо воскликнул Налим, отпрянув назад. — Все рыбы хорошие, среди наших предателей быть не могло! Но как эти сухопутные чудовища смогли так точно выследить наш Подлещик— 4 под водой?

Вьюн тем временем уже обследовал воронку своим развед— снаряжением и вытащил из ила обломки какого— то высокотехнологичного прибора с уцелевшим экраном. На корпусе красовалась чёткая маркировка.

— А вот и ответ, — Окунь хмуро осмотрел находку. — Посмотрите на клеймо. Это же новейший французский радар дальнего сканирования. Орки где— то раздобыли человеческие технологии и настроили их на частоту нашего аэродрома подскока.

Вдруг из кустов послышался тяжёлый человеческий стон. Бойцы мгновенно вскинули автоматы и окружили небольшую подводную расщелину. Там, прислонившись спиной к камню, лежал раненый человек. На нём была серая военная форма фашиста, покрытая тиной. От близкого взрыва гранаты— икринки его ногу почти раздробило осколками, он тяжело дышал и не мог двигаться.

— Живьём брать, — скомандовал Окунь. — Вьюн, грузи его в кузов Рыбвагонстроя. Доставим этого шпиона прямиком в Карпоград.

Как только грузовик рванул с места, раненый немец в кузове тяжело вздохнул. В его глазах не было злости — только сильная усталость и страх.

— Не стреляйт, пожалуйста... — тихо, на ломаном рыбьем языке проговорил он, зажимая руками повреждённую ногу. — Я не хотел вам вредить. Меня заставляют. Эти орки в доспехах приходят в мою деревню, заставили крутить настройки этого французского радар. У меня не

было выбор, зер шлехт! Меня ведь вместе с этим французским радар с суши прислали, в один комплект... Как живой инструкция по настройке. Я есть простой техник, я не враг Рыбии!

Налим и Карп Кой переглянулись и медленно опустили стволы своих подводных автоматов. Все рыбы знали, что такое справедливость, и воевать с человеком, которого принудили к шпионажу, они не собирались.

— Ну надо же, — Налим достал из походной аптечки чистый бинт из морских водорослей и присел рядом. — Настоящий импортный специалист в кузове. Выходит, ты сам у этих орков в заложниках был. Ладно, лежи спокойно, сейчас мы тебе ногу перевяжем, чтобы довезти. В Карпограде разберутся, что ты более— менее хороший, никто тебя обижать не станет. Доставим в госпиталь Рыбмеда, там врачи отличные, ногу тебе починят.

Немец благодарно кивнул и облегченно закрыл глаза. Напряжение в кузове грузовика спало. Сом лихо крутанул руль, уходя от очередной подводной ямы, и с силой ударил плавником по кнопке старой магнитолы в кабине грузовика. Из мощных колонок на всю глубину Лососёво с рёвом ворвались тяжёлые гитарные риффы и громовой голос Кипелова: «Вавилон, Вавилон, что ты построил, что разрушил!».

Под этот мощный рок трёхосный дизель Рыбвагонстроя летел вперёд, пробивая густые заросли ила, словно танк. Каждая реплика немца с его раскатистым акцентом теперь звучала как часть этой безумной и крутой военной песни.

— О, я! Дас ист фантастиш музыка! — закричал раненый немец в кузове, качая головой в такт жёсткому ритму, пока Налим туго затягивал бинт на его повреждённой ноге. — Под такой марш оркам точно наступит капут! Они есть не знают, на кого напали!

Карп Кой перехватил автомат поудобнее, а глуховатый Вьюн, хоть и не слышал саму песню, отлично чувствовал мощную вибрацию басов по бронированному полу кузова. Он довольно ухмыльнулся, наводя своё развед— снаряжение на дорогу впереди. Музыка гремела, дизель ревел, и отряд штурмовиков из Карпограда с трофейным французским радаром приближался к штабу.

Впереди между густыми водорослями наконец показались первые блокпосты и оборонительные рубежи Лососёво. Грузовик Рыбвагонстроя со свистом затормозил у главного блокпоста на въезде в Лососёво. Из замаскированного дота к машине резво выплыл местный рыбный патруль с автоматами наперевес. Молодой испуганный Карась— часовой заглянул в кузов, и его чешуя чуть не встала дыбом от увиденного.

— Товарищ командир! — заикаясь, крикнул Карась в сторону блиндажа. — Тут... тут штурмовой отряд с аэродрома подскока! И они привезли пленного немца с суши!

Из блиндажа, поправляя португепю, неторопливо выплыл старый шрамированный Судак — комендант гарнизона Лососёво. Он сурово оглядел кузов грузовика, задержав взгляд на раненом человеке.

— Так, а это ещё что за чудо— юдо с суши? — нахмурился Судак, поглаживая плавником боевой кортик. — Диверсант?

Немец снова тяжело приподнялся на локтях, морщась от боли в раздробленной ноге:

— О, майн гот, я есть простой техник! Орки заставляйт майн работать на них! Битте, не стреляйт!

Старый Судак удивлённо приподнял бровь, услышав такую забавную и испуганную речь. Окунь, сидевший в кузове, согласно кивнул коменданту:

— Всё верно, Савельич. Немец дело говорит, его орки силой заставили наш «Подлещик—4» отслеживать. Парень он более— менее хороший, к тому же ценный специалист по электронике. Срочно вызывай медиков из медбата, пускай залатают ему ногу, а потом мы его в штаб Лососёво отправим. Его показания нам всю игру против орков сделают.

Комендант Судак тут же развернулся к часовому:

— Карась, пулей за врачами! И пускай подготовят санитарную повозку. Штурмовики, а вы загоняйте грузовик на охраняемую стоянку. Сейчас разгрузим этот трофейный радар и решим, что делать дальше. Через полчаса суматоха на базе наконец утихла. Раненого немца аккуратно перенесли на носилках в санбат Рыбмеда, где полевые врачи тут же принялись спасать его раздробленную ногу. Трофейный французский радар бережно накрыли брезентом на охраняемой стоянке и передали военным инженерам. Отряду штурмовиков наконец— то дали заслуженный час отдыха перед выходом на передовую.

Налим устроился в углу блиндажа на мягком мешке с сухими водорослями. Он достал из походного рюкзака старую, потёртую книгу с пожелтевшими страницами — древние хроники Средиземья, которые он давно мечтал дочитать. Рядом на ящике устроился Карп Кой. Он вставил в уши наушники, врубил на всю громкость песню Пророк группы Кипелов и довольно зажмурился, отстукивая плавником тяжёлый ритм. Под это глухое роковое эхо Налим открыл старинный манускрипт и погрузился в чтение.

На первой странице он прочел аннотацию. Оказалось, что из библиотеки Карпограда он прихватил учебник древней истории Рыбии в художественной обработке. Налим перевернул страницу и погрузился в чтение...

— Сокровище! Сокровище! Мое сокровище! Голлум, да, наше сокровище!— кричало серое маленькое существо, прыгая на краю пропасти вулкана и держа в руках кольцо с откушенным пальцем, которое находилось в нем. Существо оступилося и, летя вниз прокричало:

— Голлум, моя прелесть! Моя прелесть!

Последние слова захлебнулись в лаве, вместе с существом...

Падение казалось бесконечным. Свист раскаленного воздуха, рев рушащейся скалы и жуткая боль от лавы Ородруина — всё это достигло пика и.... оборвалось.

Боль исчезла в одно мгновение. Огонь больше не жёг его кожу. Голлум открыл глаза и зажмурился: вокруг не было ни копоты Мордора, ни тьмы. Всё пространство было заполнено мягким, тёплым и ослепительно— белым Светом. Этот Свет не слепил, он обволакивал его, как тёплое одеяло после долгой зимней стужи.

С его души будто спал огромный, тяжелый камень, который он тащил пятьсот лет. Одержимость Кольцом, злость, страх — всё растаяло. Смеагол посмотрел на свои руки: они больше не были костлявыми лапами монстра.

Перед ним из этого чистого Света появился Тот, Кто создал весь этот мир. Наш Господь. В Его глазах не было гнева или осуждения — только бесконечная, любящая жалость к измученной душе. Богу не нужно было говорить словами, Смеагол почувствовал Его голос прямо в сердце: *«Твои страдания окончены. Здесь тебя больше никто не обидит»*.

Бывший Голлум упал на колени, и из его глаз впервые за сотни лет потекли чистые, настоящие слезы облегчения. Он наконец— то был дома. Он был спасён.

Господь ласково, но твердо посмотрел на преобразившегося хоббита. Свет вокруг них запульсировал, словно приготовился к началу чего— то огромного.

— Твоя душа очищена, Смеагол, — произнес Господь. — Но твой земной путь еще не завершен. Я возвращаю тебя назад, в Средиземье. Ты будешь воскрешен.

Смеагол испуганно вздрогнул, в его глазах промелькнул прежний страх перед темным и холодным миром: — Назад?... В Мордор? К камням и огню? О нет, добрый Господь, мы не хотим туда, там холодно, там злые люди...

— Не бойся, — ответил Господь, и Его голос наполнил Смеагола невиданной силой. — Ты вернешься туда в другом качестве. Тебе предстоит провести Великое дело. Старый мир тонет в грехах, жестокости и войнах. Сухопутные короли забыли о милосердии. Твоя задача — помочь Великому Щуке изменить этот мир. Ты станешь Его верным спутником и Королем Суши. Через тебя и Воду придет Великое Очищение.

Смеагол выпрямился. Он почувствовал, как внутри него рождается непоколебимая верность этому приказу.

— Я даю тебе силу выдержать огонь и воду, — продолжал Господь. — Иди и исполни Мою волю. Земля должна омыться и стать чистой. Ступай, Мой вестник.

Господь благословил его, и теплый белый Свет начал стремительно закручиваться в гигантский водоворот. Смеагол почувствовал, как его снова тянет вниз, сквозь облака и эпохи, обратно к земле. Но теперь он летел не как испуганный раб Кольца, а как избранник Бога, готовый исполнить свое Великое дело.

...Мир вокруг снова начал темнеть, наливаясь прохладой и запахом тины. Глаза Смеагола открылись. Он снова сидел на скользком камне у кромки воды, и не понимал, что с ним случилось. То ли это сон, то ли правда. Во всяком случае он был в пещере, рядом была вода и в ней плавала рыба. Спустя минуту Голлум вернулся в прежний образ жизни.

— Моя прелессть, Голлум! Щуксса, свежая аппетитнаяяя!

Голлум сидел на камне у кромки воды и держал на руках крупную щуку. Он облизнулся и приготовился нанести укус....

— Стой! — раздался голос. Не трожь меня! Я ядовит, чешуя моя непробиваемая, а мясо....

Голлум отпрянул от щуки. Он знал наверняка— голос принадлежал ей. Щука попыталась удрать, но Голлум схватил её. Рыба взмахнула хвостом и мир погрузился во мрак.

Очнулся он через пять минут. Щука поинтересовалась, все ли в порядке. Голлум ответил:

— Почти все, но...

Голлум сделал рывок и ударил щуку. Вскоре она плескалась в корзине из орочьих сухожилий:

— Слушай, Голлум...

— Молчи! Знаю я вассс, щукссов. — ответил Голлум.— стопс— ссс, откуда ты знаешь моёё иммяссс?

— Знаю. Я о чем, я слышал, ты колечко потерял.....

— Не дам! Моя прелессть!— Услышал Щука ответ

— Я не об этом. Хочешь его обратно?

— Предлагаешь пластмассовую подделку?— подозрительно спросил Голлум

— Пластмассовую? — Пласт— масс— совую? — Щука даже поперхнулась озерной водой в корзине. — Какой орк тебя укусил, Голлум? Я говорю о настоящем золоте, о том, что жжет пальцы и сводит с ума королей!

Голлум прищурился. Его огромные глаза превратились в узкие щелочки. Он обнюхал корзину из орочьих жил — воняло сыростью и древней магией.

— Рыбба вретссс... — прошипел он. — Она хочет, чтобы мы ослабили хватку, а потом — *плюх!* — и она в воде. Нет, зубастая, мы тебя не отпустим.

— А я и не прошу, — холодным тоном отозвалась Щука. — Неси меня к мельнице. Кольцо не потерялось, оно... *изменилось*. Оно теперь чувствует воду. Пока ты ищешь его в пещерах, оно течет водам земли.

Голлум замер. Идея о том, что его Прелессть может быть жидкой, как ручей, заставила его мозг заработать.

— Если ты поможешь мне добраться до большой воды, — продолжала Щука, — я заставлю реку выплюнуть твоё золото прямо тебе в руки. Но взамен...

— Взамен? — Голлум выставил вперед свои костлявые пальцы.

— Взамен ты станешь моим Королем Суши. Ты будешь ходить там, где сухо, а я буду править там, где мокро. Мы затопим этот мир, Голлум. Сначала подвалы, потом — тронные залы. Представь: хоббиты, барахтающиеся в тине, и ты, стоящий на сухом камне с Кольцом на пальце.

Голлум представил. Картинка ему понравилась.

— Хорошо— ссс... — выдохнул он. — Но, если ты обманешь, шуксса... мы сварим из тебя суп на хобитском костре!

Он подхватил корзину и, пригибаясь к самой земле, бросился в сторону теней, мелькающих на горизонте. Первая цель была ясна: старая мельница у брода. Там было много воды и очень мало свидетелей

Боддо Булькинс тащил ведро к колодцу. Он заметил, как тень отпрыгнула от колодца и скрылась в кустах.

Хоббит подошел к колодцу и наклонил голову к воде. Когда он поднял глаза, они были золотыми с черными зрачками. Боддо взял ведро, я подошел к кустам. Там сидел Голлум, разговаривал с Щукой и пытался достать из кустов свой улов— щучку.

— Брось бяку!— Произнёс Щука — это мой сородич, кинь его в колодец!

— Но ведь мы вылили тудассс жижуссс, вонючую и зеленую!

— Во— первых, на рыб и Голлумов эта жижа не действует. А во— вторых, колодец соединяется с Андуином...

Не успел Щука договорить, как из— за кустов вылетели рои комаров. Голлум очень испугался. Через пять минут их окружала орава жаб, змей (в основном ужей) и разных жителей ближайших вод. Впереди тварей стоял Боддо...

— Я вас слушаю, мой господин,— произнес хоббит.

— Докладывай, раз ты понимаешь лягушек, то ты знаешь: хорошо ли действует моё Зелье Подчинения?

— Да, ваше... — замаялся Боддо

— Щуричество, дорогой, щуричество— ответил Щука— А он— рыба кивнула головой в сторону Голлума— слуга.

Голлум пытался протестовать, но получил увесистую оплеуху хвостом. И сразу замолчал.

— Так значит,— произнес Щука — вот в этом флаконе— Щука достал зелёную баночку с зельем.— Ты им не дыши, а подлей в бочку с пивом, а лучше в три. Главное, чтобы это пиво пошло в этот, как его....

— Зеленого Дракона или в Ветку Плюща— подсказал Боддо. Он сам был любителем этих мест, и знал про них многое....

— Да, именно туда.— произнес щука.— еще можно, чтоб бочка попала к мэру, как его там...

— Сэму Гэмджи.— опять подсказал Булькинс.

Щука протянул элексир хоббиту. Тот аккуратно принял его и поклонился. Он уже развернулся и пошел, но Щука его остановил:

— В маленький бочонок нальёшь ещё капель пять. Скажешь Сэму, что это зелье, которое заставит расти все его посадки расти, если он его выпьет.

— Хорошо, ваше Щуричество. — Боддо обернулся и пошёл обратно в кусты.

— Запомни, пять капель в бочонок, а остальное— в пивко!— произнес Щука на прощание.

Боддо зашел в Зелёного дракона. Вокруг кишела толпа. Хоббит огляделся в поисках свободного места. Раздался голос:

— Боддо, чего тебе? Не стой на пороге, присаживайся!

Голос принадлежал Бобу Карпинссу, хозяину трактира. Он стоял за стойкой и смотрел на Булькинса.

— Мне пива, пожалуйста. Нет— нет, я сам его себе налью— сказал он когда старый хоббит направился к бочке.

— Ну, как хочешь.— добродушно протянул Боб.

Боддо пробрался за стойку. Руки его дрожали, ведь если он не выполнит приказ Её Щурчества, то... ему было даже страшно об этом подумать. Хоббит достал флакон и, выливая его в бочку с пивом прошептал:

— За влагу!

Элексир зелёного оттенка смешался с пивом. На мгновение запахло тиной и рыбой.

— Налил ты себе? Слушай, дорогой, если тебе не трудно, налей пожалуйста... — хоббит оглядел зал — кому?

В зале раздался ропот. Выпить ещё решили единогласно.

Боддо радостно наливал, приговаривая:

— Побольше, побольше....

Первый хлебнул Карпинсс. Его глаза окрасились в золотой цвет, а зрачки стали такие же как у Боддо. Он поднял голову. Её цвет, который до происшествий был розовый, переменился на бледно зелёный.

— Пейте все! Больше, больше! — орал он.

Боддо выскочил из Зелёного Дракона. Он спешил к дому Сэма. Вскоре хоббит был там.

Мэр стоял возле клумбы и поливал розы.

— Господин мэр, этот элексир передал мне странник — эльф. Он сказал, что если его выпить, то все посадки и растения будут расти быстрее и лучше

Сэм с недоверием повертел в руках флакон, который ему протянул Боддо. Жидкость внутри лениво перекачивалась, отливая ядовитым изумрудом, и казалась тяжелее ртути. — Элексир от эльфов, говоришь? — Сэм прищурился, глядя на Боддо. — Станный у него запах, дружище. Будто из старого пруда достали, где лягушки сто лет не водились.

Боддо заставил себя улыбнуться, хотя его собственные жабры под воротником куртки уже начали неистово чесаться. — Самый лучший сок Сэмми! Эльф лично просил передать. Чтобы твои розы цвели даже в полночь. Пей, не сомневайся!

Сэм вздохнул. Он доверял Боддо. Он доверял эльфам. Он поднес флакон к губам и сделал один глубокий глоток.

Тишина.

Лейка выпала из рук мэра, ударившись о мягкий чернозем Заселья. Сэм схватился за горло. Его лицо, привыкшее к солнцу и ветру, начало стремительно бледнеть, приобретая оттенок речного ила. — Боддо... — прохрипел он. — Воздух... почему он такой... сухой? Мне... мне нечем дышать!

Сэм рухнул на колени прямо в свои любимые розы. Его пальцы судорожно впились в землю, но он не искал опоры — он рыл. Он искал влагу. На его шее, прямо под челюстью, кожа натянулась и лопнула тремя аккуратными щелями. Жабры. Они впервые жадно втянули воздух, и Сэм содрогнулся от пронзительной, холодной ясности.

Он поднял голову. Золотые искры в его глазах превратились в сплошное сияющее море. Он больше не видел цветов. Он видел потоки. Он видел, как под землей движутся грунтовые воды, и они звали его.

— Хорошо... — проклокотал Сэм, и из его рта вылетел первый прозрачный пузырь. — Теперь я вижу. Всё должно быть... под водой.

Боддо стоял над ним, бледный и испуганный. План «Капкан» захлестнул последнего защитника Ши́ра. Садовник стал первым строителем Глубины.

На следующее утро хоббиты проснулись не от крика петуха, а от громкого кваканья. Хоббитята испуганно накрывались одеялами, а их родители взбудоражено переговаривались. Над Широм раздался громкий голос мэра:

— Хоббиты! Соберитесь на Праздничной поляне! Наш Боддо сварил на добавку к напиткам! Попробуйте, это вкусно! — кричал Сэм.

Хоббиты подходили к столам. Там были напитки на все вкусы: компот, пиво, эль и даже вода. Самые почтенные хоббиты получали свою дозу элексира из рук Сэма. Вскоре весь Шир стоял перед Щукой

— Так— сс ваше Щуричество, чтосс будем делать далыш— шше?— спросил Голлум

Щука в корзине раздраженно ударил хвостом:

— Логично, что надо затопить Шир. Эти глупые хоббитсы нахлебались моей жижки, и теперь они могут дышать под водой. – щука обратилась к новым слугам: друзья мои! Теперь ваши друзья— рыбы, змеи и лягушки! Вам сейчас очень жарко, так ведь?— Щука сверкнул глазом — значит, вода доставит вам прохладу.

Хоббиты ринулись к реке. Они стали кидать под мост всякий хлам, и вскоре вода вышла из берегов. К вечеру норы были затоплены, и большое количество рыбок уже мирно играли с хоббитами. Тем временем Щука вынашивал план захвата Бри и ближайших мест.

Глава 3

Маленькая лягушка прыгала в Бри. Она проскользнула под воротами и поскакала к Гарцующему Пони. Она запрыгнула в открытое окно трактира. Чуть поодаль от неё скакала жаба побольше. Эта бородавчатая тварь повернула на площадь и вскоре была возле колодца. Жаба поднялась на бортик и прыгнула в воду. Она стала растворяться и надуваться. Через мгновение жаба взорвалась и из её брюха выпал... флакон Шуки. Та лягушка, что была разведчиком, посмотрела на обстановку в трактире и выскочила на улицу. Раздался протяжный звук:

— Ква— оква— уква— ыковаа— кваоук— квакнула лягушка.

Спустя секунду сотни комаров, змей и лягушек появились перед ней. Лягушка заговорила голосом Шуки:

— Идите в Гарцующий Пони, кусайте их, жальте их За влагу!

Вся эта орава кинулась к трактиру. Самые крупные комары пробивали стекла и впивались во все, что было рядом.

— Ай! Меня укусил шмель размером с кулак!— закричал Лавр Наркисс, получив укус от комара.

Змеи вползали через порог. Лягушка вскочила на стол и закричала шучьим голосом.

— Пейте из центрального колодца, пейте, сухопутные!

Многие ещё не понимали лягушиный язык, но им быстро перевели. Толпа обезумевших посетителей ринулась на улицу.

Тем временем флакон, выпавший из брюха жабы достигнул дна и разбился. Вода булькнула и окрасилась в зеленоватый оттенок. К этому моменту половина округа проснулась и пошла к колодцу. Им очень хотелось пить, поскольку Щука высушил воздух в округе. Последние посетители Пони отходили от колодца. В этот момент из колодца брызнула тёмно— красная жижа. Она шипела и выглядела очень привлекательно, поэтому жители сразу кинулись к колодцу. Вскоре всем стало ещё жарче. В их головах звучал голос Шуки:

— Прокопайте канал к Бри от Брендивайна! Тогда ваша жажда исчезнет!

Толпа ринулась в дома, а затем к реке. Жители копали всю ночь и весь день. К вечеру следующего дня каналы были по всему Бри.

Боддо Булькинс с отрядом отборных сомов плыл вверх по течению Брендивайна. Их целью была старая каменная плотина. У Его Щуричества был план по уничтожению этой постройки. Перед тем, как отправить Боддо и сомов к месту назначения, она дала хоббиту тяжёлую банку с чем— то подозрительным и золотую чешуйку. Сомы положили баночку на дне рядом с плотиной и поплыли ниже по течению, к Боддо. Он осведомился, заложена ли баночка и получив положительный ответ нажал на чешуйку...

Мир на секунду замер. Грохот был такой силы, что птицы в Старом Лесу замертво попадали с веток. Огромные валуны плотины взлетели в небо, как пробки от шампанского, светясь изнутри тем самым изумрудным пламенем, что было в банке.

Следопыты, дежурившие на границах Шира, увидели приближающуюся воду слишком поздно. Брендивайн перестал быть рекой — он стал живым, яростным существом, которое пожирало сушу метр за метром.

— Это конец... — прошептал один из дунэдайн, бросая свой лук и пытаясь залезть на самую высокую сосну. — Нет, — раздался голос Боддо, проплывающего мимо на куске коры. — Это начало новой эпохи!

— Какой эпохи? Это конец света! — прокричал следопыт.

Эпохи Ила и великого Шуки! — прокричал Боддо быстро удаляющемуся человеку.

Волна ударила в стены Бри. Древняя каменная кладка, которую не могли пробить полуорки Сарумана, застонала под тяжестью Брендивайна. Ворота вылетели внутрь города с пушечным грохотом.

Вода хлынула на рыночную площадь, смешиваясь с той самой темно— красной жижей из колодца. Получился ядовитый коктейль, который мгновенно впитывался в кожу каждого, кто пытался спастись вплавь.

Трактир «Гарцующий пони» заполнился водой за считанные минуты. Лавр Наркисс, стоя на кухонном столе, увидел, как в окно всплывает огромный сом.

— О— о— о... — выдохнул Лавр, и в этот момент его легкие мучительно перестроились. Он прыгнул в воду не как утопленник, а как хозяин. — Наконец— то... прохлада...

Боддо, который всё это время плыл по течению, заплыв в Бри направил свой плот прямо к Ратуше. Он достал золотую чешуйку и поднес её к губам:

— Госпож— ш— ша... — прошипел он. — Бри стало прудом. Шир стал болотом. Люди и хоббиты больше не спорят — они все учатся дышать тиной. Первая часть плана капкана завершена.

ОТКРЫТИЕ ВЕКА

Тем временем король Элессар скакал в Бри с Берегондом чтобы встретится с Сэмом — у них была назначена встреча. Первым скакал Берегонд, за ним Арагорн. Король и воин поднялись на гребень Холма, откуда в ясную погоду были видны огни трактира и весёлый дым из пекарен. Но сейчас над низиной висело тяжёлое, ядовито— зелёное марево.

— Смотри, Элессар... —Берегонд указал дрожащей рукой вниз. — Города больше нет. Там... там море.

Вместо улиц, по которым Арагорн хаживал ещё Колобродом, раскинулось безбрежное озеро. Вода затопила Бри по самые вторые этажи. Те самые каменные стены, что веками защищали людей от разбойников, теперь служили бортами гигантского аквариума.

— Это «Гарцующий пони»? — прошептал Король, всматриваясь в даль.

Над водой, как поплавок, покачивалась только крыша знаменитого трактира. На месте флюгера сидела огромная, раздутая лягушка с золотыми глазами. Она лениво поймала пролетающую мимо стрекозу и издала звук, похожий на насмешливое «Ква— урк».

Из окон верхнего этажа, где раньше спали постояльцы, теперь лениво выплывали сомы. Они патрулировали затопленные залы, проплывая над столами, где когда— то Гэндальф пускал кольца дыма.

Вдруг вода у подножия холма забурлила. Из глубины медленно поднялся Лавр Наркисс. Его лицо стало плоским, а кожа блестела от слизи.

—Колоброд... — проклокотал он, выпуская изо рта облако густых пузырей. — Зачем тебе холм? Он... сухой. Он... колючий. Прыгай к нам! Стань частью Косяка!

Арагорн отшатнулся. Он видел, как за спиной Лавра из воды показались сотни голов — жителей Бри, которые больше не были людьми. Они смотрели на своего Короля не с мольбой, а с жадой воды. За ними вынырнули рыбы— караси и сомы, карпы и налимы. Арагорн развернул коня и последовал за Берегондом. Они направлялись в Рохан— страну коней.

В то время как Король Элессар пересекал границу Рохана, в Золотом Чертоге воцарилась странная духота. Кони в стойлах тревожно били копытами, чуя запах застоявшейся тины, который принесло западным ветром.

Стражники у врат Золотого Чертога не обратили внимания на огромную жабу, которая медленно, короткими прыжками продвигалась по ступеням. Она была уродлива, покрыта склизкими бородавками и несла на спине едва заметный золотистый налет.

Жаба проскользнула мимо ног ошалевшего привратника и направилась напрямик к центральному колодцу Эдораса — источнику, который питал всю крепость и её благородных коней.

Взобравшись на каменный парапет колодца, бородавчатая тварь раздула зоб. Раздался звук, похожий на лопающийся пузырь в болотной грязи. Жаба прыгнула вниз. На лету её брюхо разорвалось, и в воду упал Флакон Щуки — тот самый, рубиновый, наполненный «жижей абсолютной жажды».

— Бульк... — эхо от взрыва флакона на дне колодца разнеслось по всем залам Рохана .

Через минуту вода в ведрах слуг начала краснеть и шипеть.

— Смотрите! Вода стала сладкой, как мед! — закричал один из конюхов, жадно припав к поилке.

Но как только «нектар» коснулся губ людей и морд лошадей, их охватил невыносимый жар. Кони Рохана, гордость нации, начали яростно кусать свои стойла, пытаясь добраться до любой влаги. У всадников, испивших из колодца, на шеях начали проступать багровые щели — будущие жабы.

Арагорн и Берегонд, влетев во двор Эдораса, увидели ужасающую картину: воины Рохана не седлали коней для боя — они рыли землю руками, пытаясь найти воду, а из колодца уже поднимался густой фиолетовый туман.

Король Элессар осадил коня прямо перед входом в Золотой Чертог. По ступеням, где раньше ступали лишь герои, теперь стекали вязкие, шипящие ручьи рубинового цвета. Запах стоял невыносимый — смесь цветущих лугов и гнилого болота.

— Берегонд, не позволяй коням пить! — вскричал Арагорн, видя, как его верный Рохеррин тянет морду к красной луже. — Это яд Бездны!

Берегонд выхватил меч и встал перед поилкой, отгоняя обезумевших от жажды конюхов.

— Стой, дурак! — закричал он на одного из всадников Рохана. — Это не вода, это погибель!

Но всадник лишь оскалился, обнажая острые, как у щуки, зубы. В его глазах уже не было верности Рохану — там плескалось золото Глубины.

В этот момент из центрального колодца раздался звук, похожий на вздох великана. Земля под Эдорасом содрогнулась. Столб красной пены ударил в небо на высоту тридцати локтей, орошая золотую крышу чертога.

— Ква— а— а— а— мм! — оглушительное эхо пронеслось над столицей.

Камни фундамента начали размягчаться. Деревянные опоры, которые стояли веками, на глазах покрывались скользким мхом и морскими желудями. Золотой Чертог начал медленно, с достоинством обреченного, погружаться в свежееобразовавшуюся трясину.

На вершине гейзера, удерживаясь на струе воды за счет магии, возник призрачный лик Его Щуричества.

— Элесс— с— сар... — прошелестел его голос над Роханом. — Твои всадники станут моими пловцами. Твои степи станут моими заливами. Пей... или тони в пыли прошлого!

Арагорн увидел, как из окон дворца начали выпрыгивать люди. Но они не разбивались о камни — они ныряли в красную жижу, как в родную стихию, и из их спин уже прорастали первые спинные плавники.

— Рохан уже не спасти,— тихо сказал Арагорн, подойдя к другу.— отходим в Хельмову падь!

Боддо Булькинс и Его Щуричество спустились в затопленные подвалы «Гарцующего пони». Там, среди плавающих бочек и ила, стояла наковальня, которую Боддо лично украл из кузницы Бри.

Боддо взял старые вилки трактира, обломки мечей павших следопытов и кусок мифриловой кольчуги. Но главным ингредиентом стала кость гигантского Сомы— и три капли «Рубинового нектара».

— Ковать нужно не молотом, а давлением! — прошипел Щука, оббивая наковальню своим скользким телом.

В основание зубцов Боддо впаял ту самую Золотую Чешуйку, которую он получил у Щуки. Она служила антенной, связывающей трезубец с Водами.

— Как только металл коснется земли, — учил Щука, — чешуйка пошлет сигнал «вызова влаги». Твердь станет жижей в одно мгновение.

Боддо поднял готовый трезубец — тяжелый, отливающий изумрудом и золотом. Он с силой ударил им в сухую каменную стену подвала.

«ХЛЮП— БА— БАХ!»

В ту же секунду из камня, прямо из пустоты, ударил гейзер. Стена не просто рухнула — она растворилась. Вода хлынула в подвал, заполняя его до потолка.

— Работает... — проклокотал Боддо, чеса жабры. — Теперь, куда бы я ни пришел, за мной будет идти Потоп. Один удар — и крепость становится прудом! Нормальные роханцы во главе с Арагорном и Берегондом подходили к Хельмовой пади. Гарнизон крепости открыл ворота, и народ вошел внутрь. Спустя несколько часов часовые подняли тревогу:

— Ахтунг! Ахтунг! Ой, Арагорн! Сюда! Там движение! — прокричал один из них

Арагорн и Леголас подбежали к краю стены. Эльф отправил свои глаза в далекую темноту и сообщил:

— Там стена воды, высота как у третьего яруса Минас— тирита!

— Леголас, ты не ошибся? Может, как у тролля? — удивленно переспросил Арагорн

— Нет, не ошибся. Уже в районе второго яруса, нет, первого...

К тому времени, как волна подошла к стенам крепости, волна была высотой с тролля. Она ударилась об крепость и вскоре вода у стен Хельмовой пади лениво покачивалась. Боддо Булькинс, гордо выпрямившись на камышовом плоту, откашлялся, выплюнул кусок коряги и закричал на всё ущелье:

— Сухопутные! У нас к вам выгодное предложение! Кредит под семьдесят пять процентов годовых... ой, нет! Извините, это из другой главы! — хоббит испуганно покосился на корзину, где Щукса уже надул жабры от злости. — Я хотел сказать: Примите Крещение Водой! Станьте частью Великого Косяка!

Арагорн на стене на секунду даже опустил Андурил от удивления. — Какие ещё проценты?! — переспросил ошалевший Берегонд. — Король Элессар, они хотят поработить наши кошельки или наши души?

который был занят слушаньем музыки, маленький Вьюнок, сидевший за камнем в пяти ме— Нет Берегонд, они хотят и то, я другое. Саурон хотел поработить нас, но получил кузькину мать. Они тоже не получают ничего.

— А эти... эти болотные ростовщики хотят забрать даже наши последние биткоины!! — яростно выкрикнул Берегонд, покрепче перехватывая рукоять меча.

— Какие ещё биткоины?! — окончательно ошалел Арагорн, у которого от этих слов чуть не выпал из рук. — Берегонд, ты перепутал эпохи хуже, чем Боддо свои договоры! До изобретения этой цифровой фигни нам ещё девятнадцать веков плыть!

Но Берегонд уже ничего не слышал. Его глаза округлились от первобытного страха сухопутного жителя перед беспощадной подводной демократией Новой Эрой Ила.

А на камышовом плоту внизу ситуация накалилась до предела. Щукса в корзине так яростно раздул свои непробиваемые жабры, что вода вокруг плота закипела. Боддо Булькинс судорожно прятал мокрые свитки с процентами годовых за пазуху, а Голлум победоносно поднимал лапы к небу.

— Довольноссс разговоров про монетки и биткоиинсссы! — неистово закричал Голлум, и его очищенные Небесным Светом зыркалы сверкнули во мраке. — Господь велел очистить этот мир! Примите Крещение Водой!

Пока короли и воины Рохана спорили на стенах о криптовалюте и Сауроне, Леголаса это достало и начало колупать изнутри. Он поднял лук, ловко накинуд на него стрелу и, со словами

«сомы должны есть плотву, а не играть с ней!» запустил её в наглого сомика, который играл с плотвой. С глухим стуком стрела отскочила от толстой кожи рыбы, сомик уставился на эльфа и проворчал:

— Слушай, эльф, отвянь. Лучше прими крещение и будь с нами. Нам тут лишние стрелы в воде не нужны. Они мешают демократическому процессу.

Леголас так и замер с открытым ртом, ошарашенно переводя взгляд со своей бесполезной стрелы на говорящего сома.

— Ладно.— подумал он.— выберу цель поменьше.

Новая стрела появилась на луке, эльф натянул со всей дури тетиву и стрела устремилась к большой жабе. У второй цели такой кожи не было, и жаба, пронзенная стрелой, издала предсмертный «ква!» умерла.

Щукса гневно сверкнул золотыми глазами и сухо произнес:

— Что же. Это их выбор. Рыбы! Друзья! Начинайте крещение огнем.

С этими словами, Щука, напевая: «древние рощи веками молчат в мире, крещенном огнем...» нырнул под воду.

— Начинаемс!— прокричал Голлум.

Эти слова послужили началом нового Нуменора. Сотни рыб достали луки и начали осыпать гарнизон осажденной крепости стрелами из мифрила. В ответ полетели камни и стрелы. Леголас был огорчен тем, что Гимли в Мории и ему не кому похвастаться двенадцатой убитой рыбой. Когда он посылал уже третью стрелу в корзину Щуксы, маленький Вьюнок, находящийся в трех метрах от цели, убрал с нити плавник СВИСТ. В этот самый миг на базе тоже послышался оглушительный свист, и Налим быстро распластался на земле, кубарем спрыгнув с ящика.

БАХХХХХ!

Тяжёлый снаряд из немецкой пушки разорвался всего в двухстах метрах от Налима. Земля содрогнулась, блиндаж засыпало комьями ила, а откуда— то со стороны окопов донеслись первые крики паники и стоны раненых. Мирный час отдыха закончился. Орки перешли в наступление на Лососёво. Налим вскочил на плавники, отряхивая с чешуи налипший после взрыва ил. Вокруг всё заволкло густым дымом, а из разбитых траншей доносились крики о помощи.

— Командир! Савельич! — закричал Карп Кой, пробиваясь сквозь завесу гари к командному блиндажу коменданта.

Прямо у входа в штаб, заваленный обломками маскировочной сети, лежал старый комендант Судак. Осколок от немецкого снаряда пробил его бронежилет — ранение было очень серьёзным, чешуя старого воина потемнела, а из раны сочилась кровь. Он тяжело дышал, пытаясь удержать в плавниках рацию, по которой доносились панические доклады с передовых блокпостов.

Налим подбежал первым и упал на колени рядом с раненым комендантом: — Савельич, держись! Вьюн, быстро тащи аптечку из грузовика Рыбвагонстроя! Зови санитаров из Рыбмеда, коменданта надо срочно в санбат!

Судак тяжело приоткрыл глаза, хрипя от боли, и крепко схватил Налима за ремень автомата: — Не время... штурмовики... — прошептал он, преодолевая слабость. — Орки пошли на прорыв главного вала. Радар... защитите трофейный радар и уводите грузовик. Лососёво окружают...

В этот момент над их головами со свистом пронёсся второй снаряд, и земля снова содрогнулась от мощного удара. Карп Кой настроил частоту рации, и из динамика раздался полный паники голос дежурного с передового блокпоста:

— Четырнадцатый пост уничтожен! Накрыло прямо на дороге! Четырнадцать плотвичек— 200! Шли со смены после обеда, все погибли на месте от прямого попадания! Орки бьют из тяжёлых орудий прямо по жилому сектору!

Карп Кой судорожно вцепился в борт кузова, всматриваясь в экран тактического планшета, который только что выдал данные со спасённого французского радара.

— Командир, плохие новости! «До противника ровно шесть километров!» —прокричал Карп, перебивая рёв дизеля. — Там не просто пехота. На нас прёт целая бронетанковая рота орков. На радаре пять тяжелых Маусов, один Абрамс и десять Тигров! Пехоты орков в доспехах около ста пятидесяти голов!

Налим решительно обернулся к Вьюну, который уже разворачивал свою пусковую установку Щучка— 1 в кузове грузовика.

— Шесть километров — отличная дистанция для нашей Щучки! — Налим хлопнул разведчика по плечу. — Вьюн, забивай в координаты головной Абрамс и эти ползущие Маусы! Сом, тормози у санатория «Жемчужина», отсюда идеальный сектор обстрела! Мы устроим этим оркам и их тиграм настоящее крещение огнём прямо в поле!

Налим сжал зубы так, что у него затрещала челюсть. За их спинами, всего в паре километров, находился прекрасный город— курорт Лососёво — с его мирными санаториями, песчаными пляжами и беззащитными жителями, которые приехали туда на отдых. Сдавать его этой банде в доспехах было нельзя.

— Сом, заводи свой дизель! — рявкнул Карп Кой, запрыгивая на подножку грузовика Рыбвагонстроя. — Вьюн, хватай раненого Судака и аккуратно грузи в кузов к немцу, пускай в Рыбмеде обоим помощь оказывают! Мы отходим к окраинам курорта, нужно занять оборону у первых санаториев и развернуть пусковые установки, пока орки не ворвались на улицы!

Тяжёлый грузовик взревел мотором, выбрасывая клубы сизого дыма, и рванул прямо по разбитой снарядами набережной Лососёво. Впереди, сквозь мутную от взрывов воду, уже виднелись наступающие железные ряды орков и фашистов. Головной Абрамс орков плавно довернул массивную башню в сторону санатория Жемчужина. Длинный ствол его пушки намертво зафиксировал грузовик Рыбвагонстроя в прицеле.

Внутри вражеского танка сидел угрюмый экипаж орков в тяжёлых доспехах. Механик— водитель хладнокровно удерживал многотонную махину на курсе, а наводчик уже заложил в казённый тяжёлый осколочный снаряд. Всё было готово, чтобы разнести позиции штурмовиков в щепки. Командир орков оскалил клыки и занёс лапу для приказа:

— Готовь осколочный! На цель... Пли!

Но договорить он не успел. В этот самый миг из густых прибрежных кустов с оглушительным рёвом атомного реактора вылетел тяжелый танк атомный Карп— 188м. Его бронированный корпус хищно блеснул в толще воды, а гигантская 132— миллиметровая пушка уже была наведена на врага. Не теряя ни секунды, экипаж Карпа сделал первый, сокрушительный выстрел...

Внутри кабины грузовика Рыбвагонстроя усатый Сом зажмурился и мёртвой хваткой вцепился в руль, судорожно читая «Отче наш». Гул немецких пушек и рёв наступающих танков орков закладывали уши, и казалось, что спасения уже нет.

Вместо удара врага по грузовику раздался колоссальный, оглушительный грохот со стороны кустов. Это ударила 132— миллиметровая пушка тяжелого танка Атомный Карп— 188м.

Выпущенный им снаряд с ураново— мифриловым наконечником прожёл толщу воды со скоростью молнии. Противотанковый сплав древней магии Средиземья и ядерных технологий будущего сработал идеально. Снаряд на вылет пробил лобовую броню головного Абрамса орков. Раздался страшный внутренний взрыв, и многотонную башню американского танка вместе со всем усаженным в неё экипажем орков сорвало с погона и швырнуло высоко вверх, в мутную от ила воду.

— Да— а— а! Получите, чудовища сухопутные! — закричал Налим, победно вскидывая плавники в кузове грузовика.

Вражеская колонна «Тигров» и «Маусов» в панике остановилась, застигнутая врасплох сокрушительной мощью атомного флагмана Рыбии. Секундная тишина, наступившая после гибели командирского танка, взорвалась яростными криками. Орки в тяжёлых доспехах, поняв, что их стальной кулак застрял, лавиной хлынули вперёд прямо сквозь густые заросли водорослей. Они ринулись на амбразуры дотов, в которых заняли круговую оборону канальные сомики, караси и маленькие верховки.

Маленькие, но отважные верховки мёртвой хваткой вцепились в приклады своих автоматов Гольяна. Вода вокруг укреплений закипела от ответного свинцового ливня. Канальные сомики, засевшие у станковых пулемётов, поливали наступающие ряды врага, не давая пехоте орков пробиться к санаториям. Тяжёлые пули этого убойного калибра с рёвом пробивали толщу воды, оставляя за собой пенные следы. Мощности 14,5— миллиметровых снарядов хватало, чтобы прошибать толстые кованые доспехи орков вместе со щитами. Пехоту врага буквально скашивало на подступах к дотам. Звон рикошетиющего пулеметного свинца о вражескую броню сливался в один сплошной гул.

— Получайте, сухопутные! — кричали отважные верховки, наваливаясь всем телом на гашетки Гольянов.

Лавина орков захлебнулась у первой линии траншей. Но радоваться было рано: немецкие Тигры и тяжеленные Маусы, заметив, откуда ведётся этот уничтожающий огонь, начали плавно наводить свои пушки прямо на амбразуры с пулеметами. — Держать рубеж! За Лососёво! За Карпоград! — разносился по рации отчаянный крик из командирского дота.

Орки падали на донный песок, их тяжёлые доспехи звенели от ударов пуль, но численное преимущество всё ещё было на их стороне. Сто пятьдесят свирепых чудовищ пытались массой задавить защитников амбразур. Тяжёлый танк Карп— 188м уже разворачивал свою гигантскую 132— миллиметровую пушку, чтобы поддержать пехоту рыб и накрыть огнём наступающих следом фашистских Тигров.

Окунь резко сорвал с пояса рацию и переключился на закрытую частоту танкового батальона: — Карп— 188, я Окунь! Немецкие Тигры наводятся на наши пулеметные гнезда! Командир, дай огня по правому флангу, прикрой верховок у амбразур!

Из динамика рации сквозь треск помех и грохот дизелей раздался молодой, но на удивление уверенный голос. Командиром новейшего атомного танка оказался совсем молодой Карась, который, несмотря на свой возраст, действовал как опытный ас: — Окунь, я Карп— 188! Вас понял. Экипаж, переключить лазерный прицел на правый фланг! Заряжай ураново— мифриловый по ведущему Маусу противника! Покажем этим фашистам, как воевать со штурмовыми силами Карпограда!

Тяжелый танк Атомный Карп— 188м резко развернулся на гусеницах, поднимая со дна тонны песка, и его гигантская 132— миллиметровая пушка замерла, выискивая в прицеле вражескую головную машину. Молодой Карась лично зажал кнопку спуска. Один из маусов запылал сине— желтым огнем.

— Всем вон из машины! — скомандовал Окунь, передергивая затвор. — Оставляем грузовик! Огонь по оркам, поддержим дот верховок! Шевелите плавниками!

Налим, Карп Кой и глуховатый Вьюн со своим автоматом Гольяна резво посыпались через борт кузова. Усатый Сом выскочил из кабины, на ходу доставая запасной магазин. Отряд штурмовиков стремительно побежал по дну в сторону бетонных амбразур, открывая плотный заградительный огонь по наступающим в доспехах оркам.

Прошло буквально двадцать секунд. Отряд успел отбежать метров на пятьдесят, как вдруг сзади раздался оглушительный БДЫЩ!

Тяжёлый снаряд немецкого Тигра насквозь пробил кузов грузовика Рыбвагонстроя. Топливные баки рванули с такой силой, что многотонную машину разнесло на куски, а вместе с ней в огненной вспышке испарился и трофейный французский радар. Ударная волна подтолкнула штурмовиков в спину, швырнув их на песчаный бруствер траншеи прямо к защитникам— верховкам.

Окунь кувыркнулся через голову, упал в окоп рядом с крупнокалиберным Гольяном калибра 14,5 миллиметра и злорадно ухмыльнулся, вытирая ил с лица. Рядом валялись его товарищи. Окунь быстро пощупал их пульс. Они выжили, они у цели, и теперь оркам точно несдобровать! А в это время огромный ствол Карпа— 188м молодого Карася уже запульсировал ураново— мифриловой энергией, готовый выдать ответный залп...

Глава 4

Глава 4

Окунь достал ПГ и высунулся из— за бруствера. Сделав несколько выстрелов и увернувшись от очереди из шмайссера и м16, командир спецназа запрятался обратно. Благодаря его выходке несколько орков отправились к праотцам. Вдруг просвистел снаряд из тигра, и ближайший дот рухнул— им была перевернутая легковая машин машина «малёк— 3». Оттуда выпрыгнули Сомик и Верховка. У последней не доставало плавника, но рыба держалась. Подоспевшие караси— врачи посадили их на броневик «плотва— 80». Бронетранспортер тронулся и двинулся в сторону Лососёво.

Из— за угла выскочил карась, одетый в малиновый пиджак, весьма заляпанный и грязный. Было видно, что несколько дней назад его жена карасиха бросила его на произвол судьбы, и тот обедал в ресторанах и жил не в своем особняке. В плавниках он сжимал палочку. Вьюн, который очнулся буквально секунду назад, удивленно вылупил глаза на этого странного типа. Карась в малиновом пиджаке выглядел как классический бизнесмен из девяностых, который по чистой случайности свернул не туда по дороге в свой Карпоградский офис.

— Пацаны, здорово! — гаркнул Карась, тяжело дыша и поправляя испачканный в иле воротник. — Меня Карасик Карпушкин зовут! Короче, эти сухопутные черти мне всю малину испортили, особняк разбомбили, жена к теще жить уплыла! Но у меня на карте после закрытия сделки семь нулей рыблей лежали. Я в «Магию вне Хогвартса» заскочил, палочку за две сотни штук взял. Короче, чисто конкретно, куда стрелять?!

— а мерс где шестисотый? — задал резонный вопрос Кой, который вытирался от песка и ила.

Окунь оценил решительный настрой Карпушкина. Из— за песчаной отмели как раз вывалилась плотная стена орков в тяжелых стальных доспехах, яростно палящих из М16 и шмайсеров. Пули со свистом вгрызались в ил над головами спецназа. Один из орков упал от меткого огня стерляди, который сидел в пяти метрах от спецназовцев.

— Слышь, Карпушкин! — перекрикивая грохот, скомандовал Окунь. — Твой малиновый пиджак — отличная мишень, так что не высовывайся! Щит пули из М16 не удержит, он только от магии! Жди, пока они подойдут в упор!

Орки, почуяв легкую наживу, с диким улюлюканьем бросились на штурм окопа. Но они не знали, с кем связались. Когда до передовой шеренги врагов осталось десять— пятнадцать метров, Карасик Карпушкин хищно улыбнулся и с криком: «За пацанов! За Князя Карпа двенадцатого!» резко взмахнул своей дорогой палочкой.

— Гнев рыб! — взревел он.

Вокруг Карасика на полную дистанцию в 15 метров рванул ослепительный импульс чистой атомной магии Щуксы. Вся первая волна наступающих орков вместе со своими шмайссерами и М16 прямо в воздухе с шипением рассыпалась на атомы, оставив после себя лишь облака мутной гари.

— Ничего себе сходил в военторг... — прочистив уши, пробормотал глуховатый Вьюн.

А в это время на правом фланге, завывая атомным реактором, «Атомный Карп— 188м» Карася повернул свою огромную 132— миллиметровую пушку и сине— желтым залпом ураново— мифриловой энергии разнес в щепки очередной «Тигр», шедший на подмогу оркам. Тот успел разнести камерным снарядом легкий радио— танк «стерлядь— 1», который выкатил перед дотом, в котором находились несколько рыб, которые либо перезаряжали пулемет, либо плыли наверх, наверх и наверх.... Но уходить к Богу в рай пулемётчики явно не торопились. Орки подобрались к укреплению на двадцать метров и попытались в упор расстрелять расчёт,

яростно всаживая свинец из шмайссеров и М16 прямо в бетонную амбразуру. Пули скрежета-ли по кладке, и одна из них рикошетом начисто оторвала Сомику правый ус.

Это стало их главной ошибкой. Обезумевший от праведного гнева Сомик, зажав рану плавником, резко выплыл из ДОТа прямо навстречу нападавшим. На ходу он вскинул грозный автомат системы Гольяна с увеличенным магазином на 40 патронов калибра 7,65 миллиметра.

— Поучитесь стрелять, сухопутные! — взревел Сомик, нажимая на спуск и заливая позиции орков свинцовым шквалом.

— Ах вы твари! Наших бьют! За пацанов! — поддержал его Карп Кой, глядя, как на ил ложатся обломки радио— танка «Стерлядь— 1» рядом с идущим в контратаку Сомиком.

Окунь, вытирая песок с лица, мгновенно переключил рацию на частоту танкового батальона: — Карась! Этот проклятый «Тигр» только что уничтожил нашу «Стерлядь», а пехота зажала пацанов у ДОТа! Сомик пошёл на прорыв в одиночку! Давай осколочный, быстро! Отомсти за усы!

— Принял, Четвёртый! Сейчас мы этого фашиста чисто конкретно на атомы перемножим! — отозвался из рации молодой ас Карась.

Экипаж «Атомного Карпа— 188м» сработал ювелирно. Несмотря на поднятые взрывом тонны песка, лазерный прицел или системы наведения танка четко поймал силуэты вражеский солдат. Внутри атомного реактора «Карпа» бешено закрутилась ураново— мифриловая энергия.

—Заряжай осколочный! — прокомандовал Карась ии помощнику «танк А1».

—Есть зарядить! —послышался звук загрузки— бульканье рыб. —Снаряд готов!

Раздался оглушительный подводный гул — и огромная сто тридцати двухмиллиметровая пушка выдала сокрушительный залп.

Сине— желтый энергетический луч пролетел толщу воды за секунды и рухнул в толпу орков, которая шла на подмогу товарищам, которые усиленно пытались убить сомика. У того кончился второй магазин и около тридцати оров валялись в нескольких метрах от него. У самого воина был прострелен плавник, но тот не чувствовал боли и просто всаживал свинец во врагов.

Карасик Карпушкин, наблюдая за этим зрелищем из своего окопа, восхищенно присвистнул и поправил грязный малиновый пиджак: — Вот это я понимаю — калибр! Слушай, Окунь, а у Князя Карпа двенадцатого в Карпограде много таких игрушек? А то у меня на карте ещё семь нулей осталось, я бы чисто для себя один такой «Карп— 188м» прикупил, по Фашисто— Орчинску покататься...

Окунь хмуро посмотрел на бизнесмена, передергивая затвор своего пистолета ПГБ: — Карпушкин, не расслабляйся. Танк Карася здесь один, а пехота орков перегруппировывается. Налим, Стерлядь, приготовиться! Поддержим Сомика огнём! Сейчас мы устроим этим гадам настоящий ад!

Бой на передовой у санатория «Жемчужина» полыхнул с новой силой. Окунь рванул из— за песчаного бруствера. Металлический биопротез хвоста, собранный Галерой, мощно толкал его вперёд сквозь плотную, забитую песком воду. В висках командира бешено стучало — если прямо сейчас не прикрыть Сомика, парня там и закопают.

Рядом, тяжело отдуваясь и поднимая плавниками тучи ила, плыл Карп Кой. Его яркая чешуя была идеальной мишенью для орков, но штурмовик только скалился, сжимая ПГМ в плавнике. Меткий Стерлядь, залёгший чуть позади на валуне, хладнокровно, без лишних соплей ловил в прицел каски врагов. Каждые несколько секунд его ствол выдавал глухой хлопок, и очередной сухопутный гад валялся в песок.

Но плотное течение и донные завалы сковывали движения — спецназ Окуня физически не успевал прорвать эти проклятые двадцать метров до бетонного ДОТа. А там ситуация уже стала критической.

У Сомика в плавниках сухо и звонко шелкнул пустой затвор. Третий, последний магазин автомата системы Гольяна полностью опустел. Горячий от непрерывной стрельбы ствол опустился. Сомик, тяжело дыша и прижимая простреленный левый плавник к окровавленному боку, хмуро посмотрел на наступающих врагов. Оторванный правый ус продолжал сильно кровоточить, крася воду в багровый цвет.

Орки мгновенно поняли, что у пулемётчика кончились патроны. Один из них, здоровенный сухопутный фашист в стальной немецкой каске, злорадно ухмыльнулся, опустил свой шмайссер и шагнул вперёд. Он явно хотел взять израненного Сомика живьём для допроса в Берлине— 52. Враг уже протянул свои грязные лапы к бойцу...

Раскатистый, хлесткий подводный хлопок прорезал гул сражения. Тяжёлая пуля неизвестного крупного калибра, оставив за собой шлейф из водяного пара, прошла фашиста насквозь. Нападавший даже пикнуть не успел — его туша с пробитой головой мешком повалилась на песок прямо к ногам Сомика.

В ту же секунду армейские рации отряда Окуня затрещали, и на закрытую частоту рыб вышла она. Голос был холодным, спокойным и чертовски уверенным:

— Четвёртый, я Десятая. Это Селёdochка. Работаю с дальней дистанции от водонапорной башни. Пацанов у ДОТа вижу, держу под прицелом всю их шеренгу. Сомик, стоять на месте и не дёргаться, сейчас я этих любителей живой силы быстро на ноль помножу.

— Селёdochка, вовремя ты! — облегчённо выдохнул в рацию Окунь, падая за ближайший валун и вскидывая пистолет. — Сними тех двоих со шмайссерами слева от ДОТа, они Карпушкина обойти пытаются!

— Приняла, командир. Минус два, — отозвалась первоклассный снайпер, и на передовой снова бахнуло.

Два фашиста, пытавшиеся обойти позиции слева, синхронно рухнули в песок с пробоинами в касках. Орки в панике завертели головами, не понимая, откуда прилетает смерть. А Карасик Карпушкин, чей малиновый пиджак уже окончательно пропитался пороховой гарью, дико заорал, заметив, что внимание врагов отвлеклось, и выскочил из окопа, выставляя вперёд свою покупную палочку.

В этот момент один очень умный орк, уцелевший после снайперского обстрела, умудрился незаметно проскочить к ДОТу с правого фланга. Понимая, что против невидимого стрелка у него нет шансов, этот хитрый сухопутный гад решил действовать наверняка. Он резко выскочил из— за бетонного угла, намертво перехватил раненого Сомика за шею, прикрываясь им как живым щитом, достал свой офицерский вальтер и с сухим щелчком взвёл курок прямо у его головы.

— Стоять, рыбы! — бешено заорал умный орк (с высоким IQ, приблизительно как у зайца (!)), пятясь к кустам. — Всем бросить стволы! Шаг вперёд — и я вышибу из вашего усатого всё его пособие прямо на ил!

Но фашист не учёл, с кем связался. сомик сдаваться не собирался. Пока орк самонадеянно орал, тот незаметно скользнул здоровым плавником под разгрузку, где у него покоился тяжёлый армейский кинжал. Резкий, молниеносный взмах снизу вверх — и Сомик с размаху вогнал лезвие орку прямо в бедро.

— Получи, пехота! — прохрипел Сомик.

Орк взвыл на все Лососёво от дикой боли, его вальтер вильнул в сторону, а сам хвостун мгновенно потерял равновесие — одним точным ударом сомик обеспечил врагу приятную процедуру:

— Добрый день, вы пришли на процедуру «ампутация ноги»! если вы подтверждаете свое действие, просьба крикнуть два— три очень нехороших слов.

Со стороны пациента послышался мат. Сомик наклонился и занес кинжал. Дабы враг не мучился, железный вороненый прибор был вонзен в грудь врага.

Враг выронил пистолет и повалился на спину, полностью открывшись. Сомик успел резко отпрянуть в сторону.

Карасик Карпушкин мгновенно оценил момент. Теперь, когда пулемётчик ушёл с линии огня, пришло время показать силу легального гражданского оружия. Магия Щуксы чётко распознавала своих, так что за Сомика можно было не волноваться. Бизнесмен победно ухмыльнулся и до упора вскинул волшебную палочку:

— А теперь веселое, чучела! — рявкнул Карпушкин, наводя палочку на остатки шеренги. — Гнев рыб!!!

Из кончика дорогой палочки с глухим хлопком рвануло ослепительное изумрудное кольцо. Одноногого орка вместе с его Вальтером и всей залёгшей в кустах пехотой фашистов мгновенно сожрало белое атомное пламя. В радиусе пятнадцати метров за секунду осталось только шипящее облако серой вонючей гари.

Из— за дымовой завесы, тяжело переваливаясь через донные валуны, наконец выплыл Карп Кой. Со своими сто девяносто тремя сантиметрами роста этот гигант— штурмовик выглядел монументально. Кой хищно оскалился, лев подхватил раненого Сомика под плавники и легко утанул его за бетонную стену ДОТа:

— Давай, перезаряжай свой «Гольян», пока Селёdochка им с башни мозги вправляет! — прогудел Кой, швыряя магазины.

Но Сомик уже не слышал друга. Зажав в руке окровавленный кинжал, израненный пулемётчик покачнулся от потери крови, его глаза закатились, и он мешком повалился в глубокий нокаут прямо на широкую грудь стодевяностотрёхсантиметрового штурмовика.

— Сомик! Держись, брат! — гаркнул Кой, подхватывая бойца. — прием, я восьмой, у нас трехсотый, блиндаж одиннадцать, быстро! — проорал Кой в рацию

Подбежавшие караси— врачи мгновенно сориентировались, погрузили оглушённого воина на броню «Плотвы— 80» и на полной скорости рванули в сторону госпиталя. Окунь, Налим и Карп Кой, пригибаясь под редкими шальными пулями, наконец преодолели последние метры и ворвались внутрь бетонного ДОТа, готовые занять оборону.

Внутри плавала пороховая гарь, бетон и соль. В углу, у разбитой пулемётной амбразуры, лежала Плотвичка...

Она была жива, но сильно контужена недавним взрывом «Малька— 3». Чешуя бедняги была полностью покрыта серой бетонной пылью, а в плавниках она намертво сжимала пустую обойму от пистолета. Заметив Окуня, Плотвичка слабо улыбнулась и хрипло выдала в стиле Сомика:

— Товарищ командир... К приёму пациентов готова. Только у меня тут... шприцы закончились. Пришлось оркам внутривенно свинец из пулемёта прописывать, пока патроны не встали.

— Отставить разговоры, — Окунь осторожно помог ей приподняться. — Живая, и отлично. Налим, займи позицию у амбразуры! Кой, карауль вход!

Карасик Карпушкин, который зашёл следом, брезгливо отряхнул свой грязный малиновый пиджак за две сотни штук от бетонной крошки и уставился на палочку: — Слышь, Окунь, у меня на этой ковырялке индикатор перегрузки замигал. По ходу, после того броневики ей тоже нужен лёгкий капремонт. На вторую роту орков её чисто конкретно не хватит.

Окунь хмуро глянул на мигающий прибор в плавниках бизнесмена, а затем устало прислонился спиной к прохладной бетонной стене ДОТа. На передовой воцарилась глухая, соленая тишина. Орки после потери «Тигра» и разноса Карпушкина носа наружу не высывали.

— Ладно, пацаны, — Окунь зевнул, прикрывая глаза плавником. — Контрнаступление орков мы отбили, Сомика в госпиталь отправили. Палочка у Карпушкина разрядилась, радар у Вьюна сгорел. Объявляю официальный рыбий тихий час. Всем спать.

Карп Кой, бережно уложив свой тяжелый автомат на ящик из— под патронов калибра 7,65 мм, с облегчением растянулся на мешках с песком. Гигант— штурмовик подложил под голову пустой цинк и мгновенно захрапел на весь окоп.

Контуженная Плотвичка, у которой чешуя всё ещё была покрыта серой пылью после подрыва легковушки «Малёк— 3», свернулась калачиком в углу прямо на брезенте. Налим устроился рядом, положив плавник на затвор своего «Гольяна» — чисто на всякий случай.

Карасик Карпушкин брезгливо посмотрел на грязный пол, но усталость взяла своё. Бизнесмен улегся прямо в своём порванном малиновом пиджаке за триста рыблей, бережно спрятал палочку под мышку и проворчал: — Чисто конкретно... Если эти сухопутные уроды разбудят меня раньше времени, я им вторую инфляцию устрою.

Через пять минут весь ДОТ мирно спал. Даже Селёdochка на верхушке городской башни поудобнее устроилась у прицела своей снайперской винтовки и тихонько посапывала, краем глаза поглядывая на южный сектор.

Сон командира спецназа продлился недолго. Тишину бетонного ДОТа внезапно разрезал резкий, противный писк рации. Из динамика сквозь жуткие помехи донёсся взволнованный голос дежурной рыбы:

— Четвёртый! У нас ЧП в центральном медицинском секторе! На связи госпиталь Лосо-сёво! Товарищ Савельич бредит, пульс скачет, приборы орут на всё отделение!

Окунь мгновенно растерял все остатки сна. Лицо командира похолодело, металлический биопротез хвоста от Галеры резко дёрнулся. Не теряя ни секунды, Окунь рванул из ДОТа. Он на предельной скорости пробил встречное течение, оставляя позади окопы, и ворвался в госпиталь. Командир спецназа с грохотом распахнул бронированную дверь операционной палаты, готовый увидеть самое худшее...

На кушетке в углу лежал раненый, совершенно бледный комендант Савельич. Мониторы вокруг бешено мигали, а на плавнике медика всё ещё была закреплена медицинская штучка — пульсоксиметрическая клипса, которая панически пищала, выдавая сбои.

В момент, когда Окунь влетел в палату, бредящий вояка на секунду пришёл в себя, дико вытаращил глаза на спецназовца и хрипло выкрикнул на всю операционную:

— Пшёл в баню!

И прямо после этих слов Савельич окончательно издох, из последних сил незаметно сорвав с плавника эту пищашую клипсу. Кардиограф мгновенно завыл монотонным, мёртвым гулом.

Окунь хмуро выругался сквозь зубы, понимая, что доктору уже ничем не помочь. Потери на фронте росли с каждой минутой. Командир спецназа тяжело вздохнул, развернулся спиной к кушетке и уже поплыл было обратно к выходу из палаты, чтобы вернуться к отряду в ДОТ...

— Хитлер капут! — внезапно раздался сзади прокуренный, невероятно злой и бодрый голос.

Окунь резко обернулся. На соседней койке, завернувшись в казённый брезент, живой и здоровый сидел комендант Судак. Осколок немецкого «Тигра» его явно не добил. Старый волкодав зловеще ухмыльнулся, ловко выдернул зубами пробку из припрятанной под подушкой бутылки, знатно запрокинул голову и в один глоток выпил вино за упокой Савельича. Отерев плавником рот, Судак весело посмотрел на командира спецназа:

— Рано хоронишь старую гвардию Князя Карпа двенадцатого, Четвёртый. Ну что, Окунь, как там дела у санатория?

Окунь повернулся на место, где умер Судак. Затем перевел взгляд на соседнюю койку. Увидев того же самого коменданта Судака, он весьма разозлился:

— Савельич, не смешно. Ты заставил меня волноваться, я проснулся посреди ночи, приплыл к тебе на всех...

Вдруг из рации раздался треск:

— Четвертый, я десятая! Вижу активное движение врагов! Надо бить тревогу!

Окунь медленно посмотрел на Судака. Тот выпученными глазами смотрел в окно.

— Ты получается, жизнь мне может спас? — проговорил Окунь сквозь зубы. — А о товарищах забыл? Не позвал? Эх ты...

Плывя по коридору, Окунь думал о друзьях. Он открыл плавником массивную дверь и, выплыв из госпиталя направился к окну, чтоб попрощаться с Савельичем.

— Судак, может, я уйду в последний бой, но знай, что... Окунь покосил глаз. к его спине прижался ПГМ. пощупав плавником свою кобуру, он понял, что это его же пистолет. Командир спецназа зажмурился, приготовившись к смерти...

— Да не буду я стрелять, сказал же: Хитлер капут!

Окунь понял, что юмор у Савельича зашкаливает.

— Товарищ Судак, пройдемте в участок. — заговорил голосом участкового Окунь.— Или на передовую.

Пистолет упал на песок. Судак усмехнулся:

— Не разнесли там еще мой штаб?

— Вроде нет еще, но если мы не приплывем и поднимем тревогу — разнесут!

Пара с хохотом бросилась в сторону санатория "Жемчужина". Когда бойцы скрылись за поворотом, наступила тишина. Недолгая. спустя минуту ракета с орчьего истребителя попала в памятник Князю Карпу Х, основателю Лососево.